
ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА: КРАТКИЙ ОЧЕРК¹

© 2016 г. Надежда Николаевна Ефремова²

В статье (очерк) дан анализ современных тенденций развития отечественной историко-правовой науки, проведенный на примере трех рецензируемых (реферируемых) монографий, посвященных некоторым проблемам развития российской правовой системы и отдельным ее элементам в имперский период с учетом значения исторического опыта для совершенствования современной.

В работах представлены положения, позволяющие судить о наличии российской правовой традиции, начало которой справедливо относят к XVIII в. Указано важное значение для развития правовой системы таких факторов, как правовые, законодательные реформы, зарождение и развитие юридической науки, юридического образования, юридической профессии, поступательное совершенствование законодательства и юридической техники и др. Исследования проведены на основе современной методологии, включающей антропологический, социологический, междисциплинарный и иные подходы.

The present article (sketch) is devoted to the analysis of current trends of development of domestic historical and legal science which is carried out on the example of three reviewed monographs devoted to separate problems of development of the Russian legal system and its separate elements during the imperial period taking into account value of historical experience for improvement modern.

In works the provisions allowing to judge existence of the Russian legal tradition which beginning is carried to the XVIII century are submitted. The importance for development of legal system of legal, legislative reforms, origin and development of jurisprudence, legal education, a legal profession, forward improvement of lawmaking and legal equipment, etc. factors is specified. Researches are conducted on the basis of the modern methodology including anthropological, sociological, interdisciplinary and other approaches.

Ключевые слова: законодательство, законодательство, правовая культура, правовая реформа, правовая система, правосознание, судебная реформа, судебное право, финансово-правовая традиция, юридическая техника.

Key words: legislation, lawmaking, legal culture, legal reform, legal system, sense of justice, judicial reform, judicial right, financial and legal tradition, legal equipment.

Современный период в развитии историко-правовой науки вообще и истории отечественного права и государства, в частности, отмечен стараниями исследователей обновить понятие и содержание предмета и методологию этой отрасли юриспруденции. В первом случае речь идет о включении в состав ее предмета тех институтов российской государственности и права, которые в дореволюционный, а также в советский период не включались вообще либо рассматривались в качестве малозначимых или вспомогательных относительно механизма государственно-правового регулирования общественной жизни. К таким можно отнести проблемы дореформенного судостроительства и судопроизводства в Российской Империи, правового регулирования финансовых отношений

в монархический период отечественной истории, истории законодательства, зарождения и развития юридической техники, законодательных и правовых реформ (в их различении) и многие другие.

Относительно методологии следует сказать, что основной задачей историко-правовой науки в постсоветский период стала необходимость отхода от признания в качестве “единственно верной” официально установленной марксистско-ленинской методологии и расширения методологических основ исследований, признания мировоззренческого, идеологического и политико-правового плюрализма. Это, соответственно, привело к возвращению досоветских или появлению новых методологических подходов, в частности цивилизационного, антропологического, либертарно-юридического, междисциплинарного и др.

Говоря о междисциплинарном подходе, мы имеем в виду возможности привлечения методик и знаний из других областей юриспруденции (теории права и государства, истории права и государства зарубежных стран, сравнительного

¹ Рукопись представлена в редакцию журнала 2 ноября 2015 г.

² Ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, профессор (E-mail: igpran@igpran.ru).
Nadezhda Efremova, leading researcher, Institute of state and law of RAS, PhD in Law, Professor (E-mail: igpran@igpran.ru)

правоведения, отраслевых юридических наук), а также из других общественных наук (философии, истории, филологии, социологии), однако не для арифметического суммирования знания вообще, а для приращения собственно юридического знания путем отбора юридически значимого материала.

Эти новеллы отчасти и демонстрируют представленные к обзору монографии:

Дорская А.А. Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности. СПб.: Астерион, 2014. 175 с.;

Пашенцев Д.А. Финансово-правовая традиция России. М.: КНОРУС, 2015. 192 с.;

Юртаева Е.А. История законодательства в России (XVIII – начало XX вв.). М.: Изд-во “Юрлитинформ”, 2012. 723 с.

Монография А.А. Дорской посвящена одной из недостаточно исследованных, но важных для юриспруденции проблем – понятию и типологии правовых реформ в России. В ней представлены обобщение и авторский конструктивно-критический анализ соответствующих публикаций по данной теме. Ссылаясь на авторитетное мнение В.Д. Зорькина, автор отмечает, что, несмотря на наличие различных толкований конструкции “правовая реформа”, единого ее определения в юридической литературе нет (с. 21). От себя добавим, что, как правило, исследователи избирают в качестве объекта и предмета конкретно проводимые в отдельные исторические эпохи преобразования в сфере российского (или советского) права. Отметим, что “право” понимается и определяется ими с позитивистских позиций. Соответственно, точнее было бы называть “реформы законодательства”. В лучшем случае предмет исследования расширяют за счет включения в его состав правосознания (например, Д.А. Пашенцев – с. 25). Говоря же о “праве” как объекте реформы, имеем в виду правовую систему, которая включает помимо “позитивного права”, т.е. системы действующих формально-юридических источников, такие элементы, как правовая идеология и правосознание (или правовая культура), юридическая практика, в том числе правотворческая, правоприменительная, правоохранительная, юридическая техника, правовое воспитание и юридическое образование, а также другие правовые явления общественной жизни.

Структура монографии включает три главы, разделенные на 12 параграфов. Среди них особое внимание привлекают следующие разделы: «Дискуссия о содержании понятия “правовая реформа”»; «Соотношение понятий “правовая реформа” и “судебная реформа”»; «Типология

правовых реформ”; “Эффективность правовых реформ и критерии их результативности”. Рассуждая о понятии правовой реформы, А.А. Дорская справедливо отмечает его “междисциплинарность” (с. 29). Правовые реформы выступают объектами исследования в теории и истории права и государства, отраслевых юридических науках. Проведение правовых реформ, направленных на модернизацию правовой системы современной России, требует также учета международно-правовых стандартов (с. 37).

Однако, по нашему мнению, необходимо при этом осознать, что создание дефиниции правовой реформы есть задача теории права и государства, поэтому привлечение объективных знаний из других областей юриспруденции должно не выступать самоцелью, а служить формированию универсальной формулы, доктринально определяющей данную весьма важную теоретико-правовую конструкцию.

В монографии представлена типология правовых реформ, в рамках которой автор формирует их классификации, исходя из таких критериев, как цели, задачи, источники, отношение к реформам, проводимым в других сферах (с. 71–117).

В небольшом по объему параграфе обозначена проблема соотношения понятий “правовая реформа” и “судебная реформа” и сделан вывод о том, что «судебная реформа может рассматриваться как часть более емкого понятия “правовая реформа”». При этом “судебные реформы затрагивают прежде всего... правопонимание, правоприменение”, а “правовые реформы, кроме вышеназванных, – правотворчество, правовой массив” (с. 46, 47).

Автор, однако, не отмечает, что судебная реформа по своей природе является государственно-правовой реформой уже в силу того, что суд есть орган государственной власти и как субъект судебной власти выступает институтом государственности. Кроме того, в монографии не сформулировано определение судебной реформы. Известно, что оно отсутствует в юридической доктрине и законодательстве. В энциклопедической и специально-правовой литературе определяются понятия известных судебных реформ в истории России, к примеру, реформ 1864–1899 и 1922 гг. и др.³ Однако полагаем, что вполне возможно дать универсальное. Предлагаем следующие.

³ См., например: *Ефремова Н.Н.* Судебные реформы в России: традиции, новации, проблемы // Гос. и право. 1996. № 11. С. 85–91; *Ее же.* Судебные реформы в России: пути утверждения идей и ценностей правосудия // Политико-правовые ценности: история и современность. М., 2000. С. 226–252.

1. Судебная реформа – это совокупность мероприятий, проводимых компетентными органами государства, по преобразованию (изменению), полному или частичному, основ и институтов судостроительства и судопроизводства.

При этом составляющими этих мероприятий являются изменения нормативно-правовой основы (материального и процессуального права) и институтов юстиции (государственных органов и уполномоченных лиц, участвующих в осуществлении правосудия). Преобразования могут затрагивать отдельные институты или весь комплекс институтов юстиции.

2. Судебная реформа – это изменение основ (принципов) и институтов судебного права в условиях его признания в качестве элемента правовой системы.

Судебное право как юридическая категория использовалась в позитивистском понимании уже в дореволюционной и советской литературе. Еще до признания судебной власти как самостоятельной ветви государственной власти в литературе по истории русского права говорилось о власти судьи (судейской, судебной власти), а имелась в виду совокупность полномочий судьи по разрешению юридически значимых конфликтов и споров, и термин “судебное право” также использовался в качестве синонима полномочий судьи. Позднее опять же с позиции юридического позитивизма, или советского легизма, стали использовать конструкцию “судебное право”, означающую совокупность законодательства о судостроительстве и судопроизводстве. Начало формирования соответствующей теории было положено Н.Н. Полянским и М.С. Строговичем, которые выступали пропагандистами обособления и доктринального обоснования этой “отрасли права” и направления юридической науки. Большое значение такого признания они обосновывали полезностью для профессиональной подготовки юристов, и поэтому были созданы соответствующие кафедры в юридических вузах, а одноименная дисциплина была включена в учебные планы⁴. В наши дни также поддерживается идея признания судебного права как комплексного образования (комплексной отрасли) в российской правовой системе, правда, уже с других методологических позиций и в рамках либертарно-юридического правопонимания⁵.

⁴ См. подробнее: Ефремова Н.Н. “Советский легизм” в портретах: М.С. Строгович, Н.Н. Полянский, С.А. Голунский (К 120-летию М.С. Строговича) // Право и государство: теория и практика. 2015. № 1 (121). С. 146–151.

⁵ См. подробнее: Ефремова Н.Н. Становление и развитие судебного права в России XVIII – начала XX в. (Историко-правовое исследование). М., 2007; Ефремова Н.Н. Судебное право в правовой системе России: проблемы теории и истории // Труды Международ. науч.-практ. конф. СПб., 2011. С. 255–259.

Полагаем, что при рассмотрении А.А. Дорской проблемы соотношения правовой и судебной реформ формулирование авторского определения судебной реформы могло бы усилить аргументацию в выделении общих и особенных элементов содержания и признаков каждой из двух видов сопоставляемых реформ.

Интересен раздел об эффективности правовых реформ. Автор анализирует критерии их результативности, отмечает особое значение юридического образования в качестве критерия и предпосылки результативности правовой реформы. С этим нельзя не согласиться. Можно лишь добавить, что и для результативности судебной реформы указанная предпосылка необходима, равно как этот критерий подходит и для ее определения.

В целом можно отметить, что рецензируемая монография А.А. Дорской является добротным трудом, вносящим вклад в разработку понятия правовой реформы, основанном на объективном анализе “историко-правового наследия России”, четко определяющим позицию автора в отношении избранной актуальной проблемы. В сформулированном в работе определении правовой реформы особо выделена свойственная правовой реформе цель: “качественное улучшение жизни большинства членов общества” (с. 150). Справедливо отмечены и традиционные черты правовых реформ в России, что не исключает и заметных новаций в этом процессе.

Проблеме российских традиций в правовой сфере посвящена и названная монография Д.А. Пашенцева. В ней дается анализ такой актуальной историко-правовой проблемы, как формирование отечественной финансово-правовой традиции в Российской Империи во второй половине XIX в. Структура работы включает семь глав, разделенных на параграфы.

В первой главе монографии проанализировано понятие правовой традиции и изложены основные современные подходы к трактовке данного термина. По мнению автора, правовая традиция – это господствующая в обществе точка зрения на право, а также условия и особенности воспроизводства этой точки зрения в юридической теории и практике (с. 9). К числу признаков правовой традиции автор относит следующие: систему источников права и иерархию этих источников; соотношение писаного закона и юридической практики; наличие в системе права деления на частное и публичное либо иного сопоставимого по значимости деления (право материальное и процессуальное, общее право и право справедливости и т.д.); роль и авторитет судебной власти; отношение населе-

ния, а также правящих элит к праву; соотношение права и морали в правосознании населения; доминирующая религия и ее влияние на развитие права; соотношение государства и права (уровень этатизма); степень автономии от государства общественных структур и наличие гражданского общества; наличие и особенности национальной системы юридического образования. Использование данных признаков для научного анализа позволяет сопоставить различные правовые традиции, понять их особенности и сущностные черты, способствует их типологии.

Во втором параграфе первой главы проводится сопоставление правовой традиции и правовой системы России, генезис которой, по мнению автора, приходится на XIX в., о чем свидетельствуют выделяемые им признаки. Обосновано положение о том, что отмена крепостного права потребовала кардинального изменения всего характера финансовой деятельности, прежде всего ее фискальной составляющей, поскольку резко изменилось правовое положение значительной части населения, выступавшей в качестве одного из основных налогоплательщиков. Вопрос о необходимости финансовой модернизации поставило и поражение в Крымской войне, показавшее всю отсталость российской государственно-бюрократической машины (с. 24).

Необходимо отметить, что автор упоминает и о роли судебной реформы 1864 г. в формировании российской правовой традиции. Наверное, данный аспект можно было бы усилить, более ярко и выпукло охарактеризовать значение судебной реформы, коренным образом изменившей направление правового развития, повысившей значимость юридической профессии и юридического образования в Российской Империи, способствовавшей формированию нового типа правосознания и подъему уровня правовой культуры⁶.

Во второй главе проанализированы доктринальные основания отечественной финансово-правовой традиции, особенности развития финансово-правовой мысли в имперский период. Подчеркнуто значение концепций, разрабатывавшихся учеными и практиками того времени, для развития финансового законодательства, его становления в качестве самостоятельной отрасли.

Следующие главы посвящены анализу процесса развития финансового права в Российской Империи. Охарактеризованы основные этапы становления бюджетного, налогового, банковского права.

Подчеркивается роль финансовой реформы 1862 г. в развитии финансово-правовой традиции. Уделено большое внимание проблеме соотношения прямых и косвенных налогов в налоговой системе, а также социальной роли налогообложения.

В монографии подчеркивается, что финансово-правовые нормы имеют в России давнюю историю, но развитие их на рациональных началах, выработанных мировой и отечественной финансово-правовой наукой, стало возможным только во второй половине XIX в. По мнению автора, если первая половина XIX в. характеризуется в основном накоплением и развитием идей и планов в финансово-правовой сфере, то вторая половина столетия – это время активных преобразований, период финансовых реформ, принятия новых нормативных актов. Была проведена реформа бюджетной системы и государственного контроля, создана система кредитных учреждений, осуществлена денежная реформа, реформирована налоговая сфера. Все эти преобразования сопровождались принятием новых норм права, которые в этот период сформировали финансовое право как новую отрасль в системе права Российской Империи (с. 68 и далее).

К числу несомненных достоинств монографии следует отнести использование автором большого объема фактического материала, в том числе, документов из фондов Российского государственного исторического архива, Государственного архива РФ, Центрального исторического архива Москвы. Автор не просто ввел в научный оборот ряд важных документов, но и проанализировал их с помощью современных методов научного исследования, что позволило ему сделать новые и интересные научные выводы. Вместе с тем рецензируемая монография не свободна от нескольких спорных и недостаточно раскрытых положений. Например, автор мог бы уделить больше внимания деятельности государственных органов по реализации финансовой политики. И если о роли Министерства финансов в работе говорится, то вклад Министерства юстиции в развитие финансового законодательства обойден стороной.

Недостаточно внимания уделяет автор и теоретическому обоснованию деятельности субъекта права в финансово-правовой сфере. Современная постклассическая теория права ставит субъект права на центральное место в правовой системе, что признает и сам автор рецензируемой монографии. С позиции постклассической науки «субъект права должен трактоваться не просто как субъект правоотношений, а гораздо шире – как центр правовой системы, ее творец и постоянный деятель.

⁶ См. об этом: Ефремова Н.Н. Справедливость как фактор развития правосознания и правовой культуры в России // Право. 2013. № 3. С. 3–11.

Именно субъект права формирует и воспроизводит своими действиями правовую реальность”⁷. Именно субъект права, наделенный правоприменительными функциями, своими действиями реализует правовые нормы и, как следствие, способствует формированию правовой традиции. Логично было бы определить место субъекта права в механизме реализации финансового законодательства, на конкретных примерах более ярко продемонстрировать значение действий правоприменителя в финансовой сфере. Высказанные предложения являются дискуссионными и не влияют на общую высокую оценку монографии, которая представляет собой качественное исследование актуальной историко-теоретической проблемы, основанное на современной методологической основе с использованием междисциплинарного подхода.

В монографии Е.А. Юртаевой, посвященной законотворчеству в Российской Империи XVIII – начала XX в., основанной на весьма обширной источниковой и историографической основе, дается анализ одному из основных направлений государственной деятельности по созданию законов. Этот процесс способствовал формированию основ и рационализации юридической техники и юридической практики, в определенной степени предопределивших черты российской правовой системы, в том числе и современной. Исследование проведено в контексте социального и политического развития Российского государства в указанный период. Такой подход является традиционным для отечественной историко-правовой науки. Вместе с тем автор проводит научно-концептуальные, теоретико-правовые обобщения, позволяющие использовать результаты этого труда для дальнейших исследований в смежных темах и практической законотворческой деятельности, повышение эффективности которого невозможно без опоры на накопленный опыт. Автор предложил собственную периодизацию развития законотворческого процесса: “первый – начальный, второй – петербургский”. Хронологические рамки определяются соответственно: XVIII и конец XIX в. – первые десятилетия XX в. Первый этап, характеризующийся такими чертами: “начало системной правовой работы, практическим выражением которой стало то, что, несмотря на... укоренившуюся правовую традицию, система права и способы ее объективирования были подвергнуты тотальному пересмот-

ру на иных принципах: по-новому определялись базовые основания правотворческой работы, более широким становился взгляд на необходимость привлечения науки (как и в целом образования) к содействию в развитии правотворческой практики” (с. 30). Второй этап, объединивший, по справедливому мнению автора, “весьма разные времена”, но в целом отражавший тенденцию “накопления юридического опыта, ставшего каркасом для основания всей правовой системы современного российского государства” (с. 30, 31). Соглашаясь в целом с таким условным делением истории развития законодательного процесса в Российской Империи, полагаем, что второй этап заслуживал более дробного деления, учитывая, что автор сам обозначил существенные особенности социальной и политической систем в государстве, влиявшие на законотворчество, характеризовавшие их в условиях проведения реформ общественного и государственного строя, в том числе радикальных, последовавших контрреформ, революции, а затем и милитаризации в годы мировой войны.

В заключении автор сформулировал несколько важных для понимания тенденций развития современной теоретической и историко-правовой науки положений, соответствующих идеям, обозначенным в начале данного очерка: “История законотворчества в России – это в первую очередь история развития позитивистских элементов в системе законодательства. Однако исключительно позитивистское видение исторического процесса законотворчества ограничивает возможности достижения объективного результата в исследовании истории закона”, а поэтому его “необходимо рассматривать через призму социально-культурных, общественно-психологических связей” (с. 669). Е.А. Юртаева приводит также мысль, высказанную Ш. Монтескье о том, что законы должны быть детерминированы “свойствами народа” (с. 670).

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что три рецензируемые монографии, несмотря на тематическое различие, едины помимо прочего в том, что развитие правовой системы Российского государства в целом и в частности отдельных составляющих ее элементов, прошло длительный путь. Он характеризуется преемственностью и новациями в проведении детерминировавших его реформ, контрреформенными и революционными преобразованиями, не означавшими, однако, полного разрыва с правовой традицией, основы которой были заложены в имперский период, сохранивший, в свою очередь, ряд ценностей правового развития предшествующего исторического периода.

⁷ Честнов И.Л. Человеческое измерение правовой реальности: на пути к формированию персоноцентристской теории права // Актуальные проблемы права в современной России. Сб. науч. ст. / Под ред. Д.А. Пашенцева. Вып. 10. М., 2009. С. 55.